МУРЗИЛКА

1

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА
ИЗДАНИЕ РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ

1924

МУРЗИЛКА

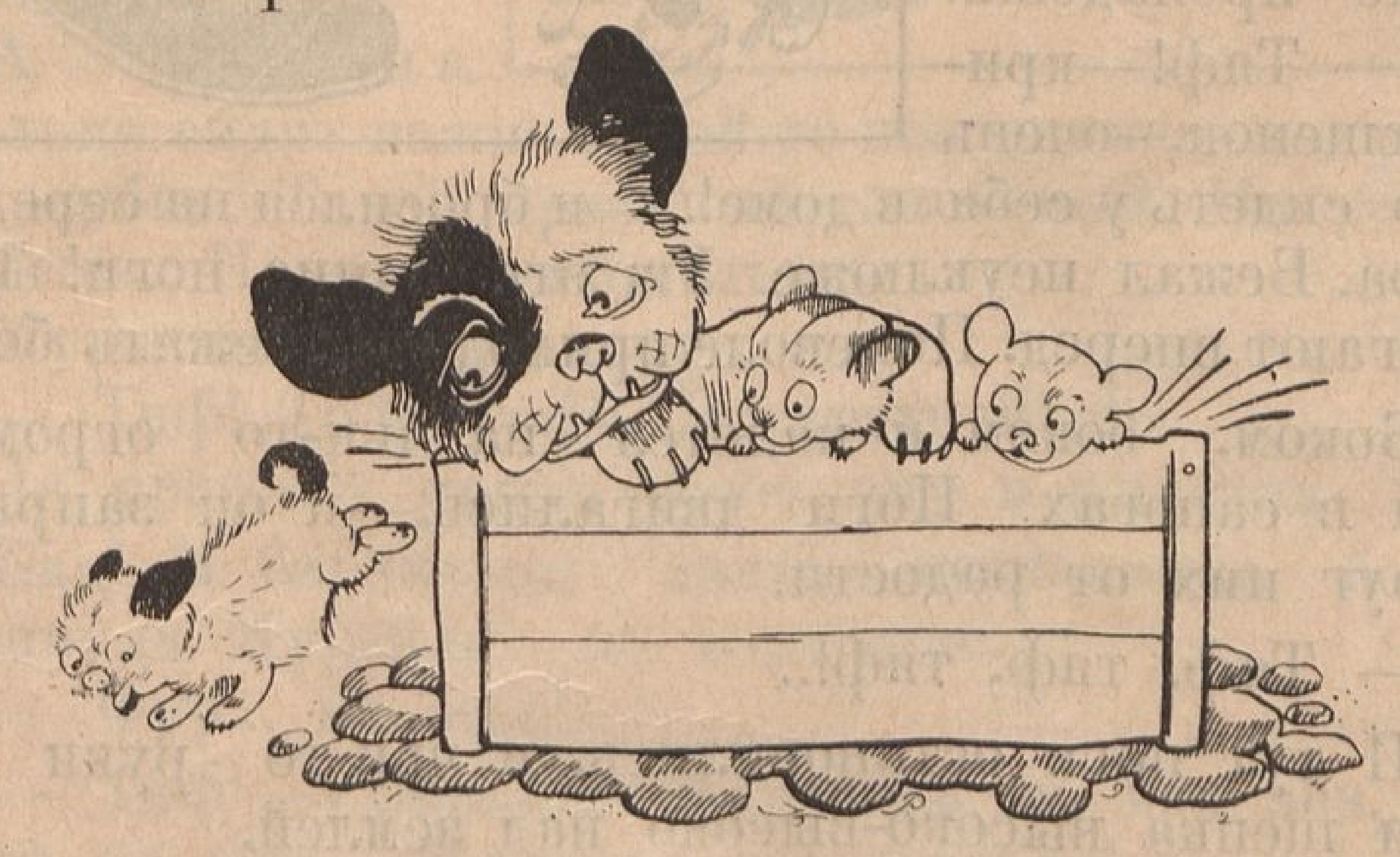
1924 г. | ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ" ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА. | № 1.

МУРЗИЛКИН ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.

Жучка старательно вылизала всех троих щенят, и они стали такие гладенькие, аккуратные.

Но с четвертым щенком дело у нее не ладилось.

Весь он был какой-то лохматый, шершавый; на мордочке у него шерсть торчала вроде стариковской бороды; одно ухо висело вниз, другое—было поднято вверх.

Да и не давался он Жучке,—юлит, вертится вокруг; то в нос ее лизнет, то за хвост уцепится.

При этом №—бесплатное приложение **„Цирк на столе“.**

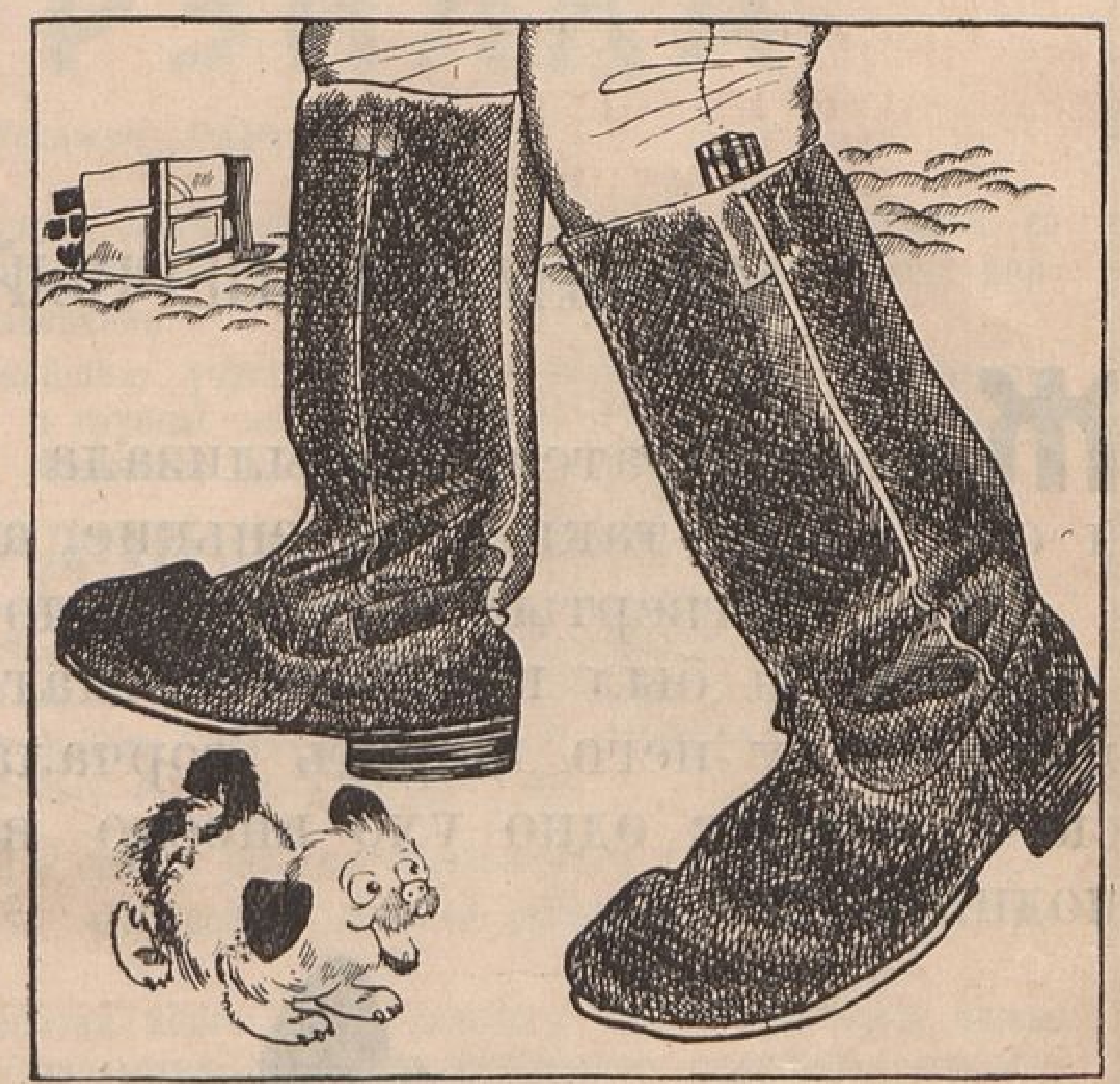
Главлит № 21508. Тираж 20000 экз.

6-я типография „Транспечати“, Б. Переяславская, 46.

— И в кого ты уродился такой!—сказала с досадой Жучка.

— Тяф!—тяфкнул щенок, напряг все силы и выскочил из ящика.

— Ай, ай, ай! Какой простор! Как велик белый свет! Гораздо больше нашего ящика!

— Белый - то свет больше даже нашего двора! — проворчала Жучка, — пожалуйста, не выбегай за ворота,—а то непременно пропадешь!

— Тяф!—крикнул щенок,—очень надо сидеть у себя в доме!..—и бросился на середину двора. Бежал неуклюже. Уж эти задние ноги! Так и забегают вперед. Поневоле приходится бежать боком.

Боком, боком и налетел на чьи-то огромные ноги в сапогах. Ноги двигались,—и он запрыгал вокруг них от радости.

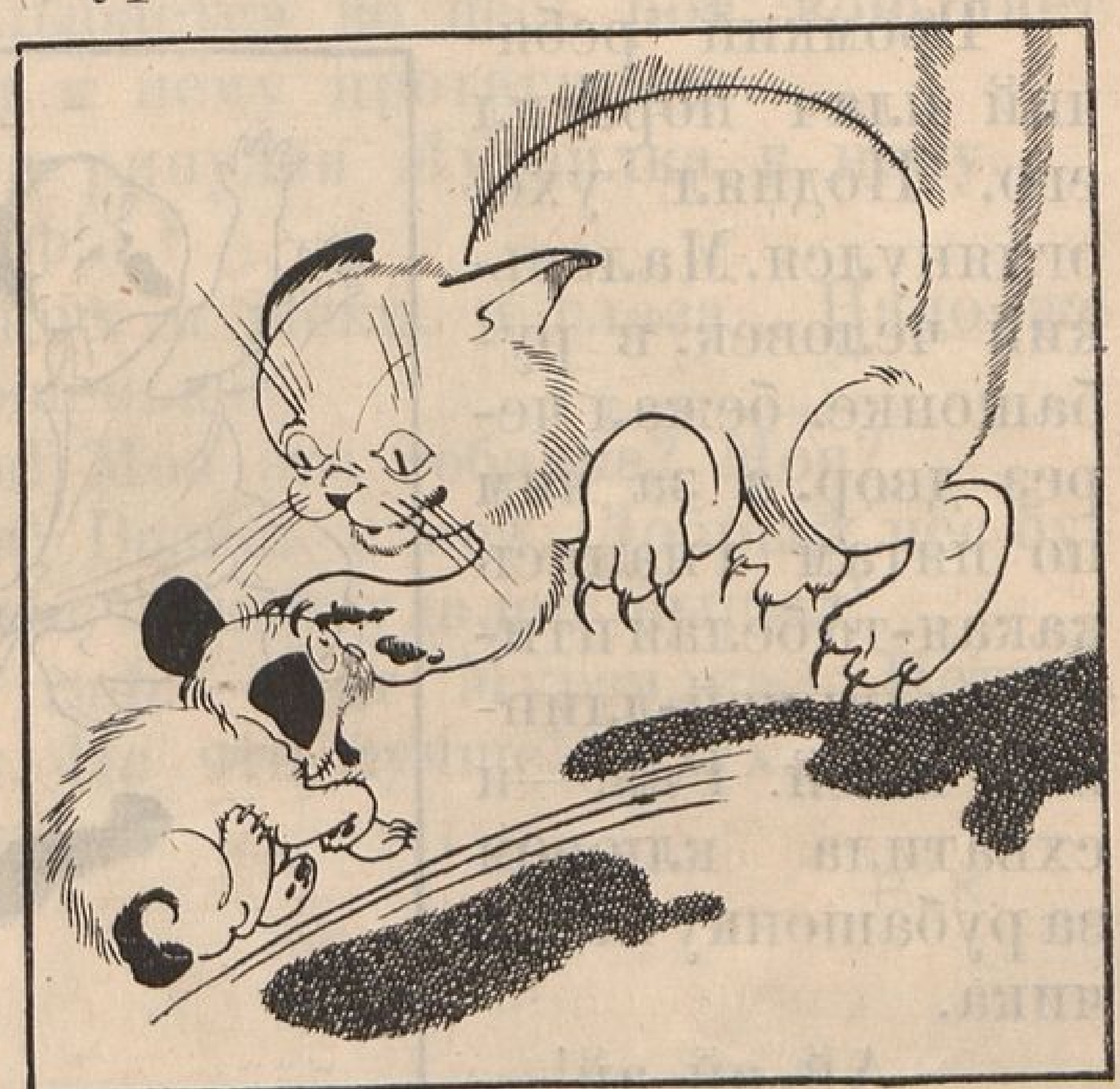
— Тяф, тяф, тяф!..

И тут ноги остановились, и чьи-то руки подняли щенка высоко-высоко над землей.

— Вот так песик! И шустрый же! Мурзилка да и только!..

— Тяф, тяф, тяф!—захлебывался от восторга Мурзилка и лез целоваться к улыбающемуся лицу.

— Ну, брат, Мурзилка, и лихой пес будешь. Старайся, брат!..

И слесарь Степан опустил Мурзилку на землю и потрепал его по спине.

Сердце Мурзилки взыграло от восторга. Ах, какие все хорошие, ласковые, добрые! И солнце светит так тепло, и воздух чудесный!

А вон — на крыльце сидит важно какой-то незнакомец в сереньκой шубке. Такой красивый, ласковый. На солнце щурится. Надо познакомиться!

Мурзилка—к крыльцу.

— Тяф! Тяф! Тяф!.. Здравствуйте!

Да сразбегу прямо носом ему в животик.

Бац! И бархатная лапка незнакомца больно шлепнула Мурзилку по мордашке.

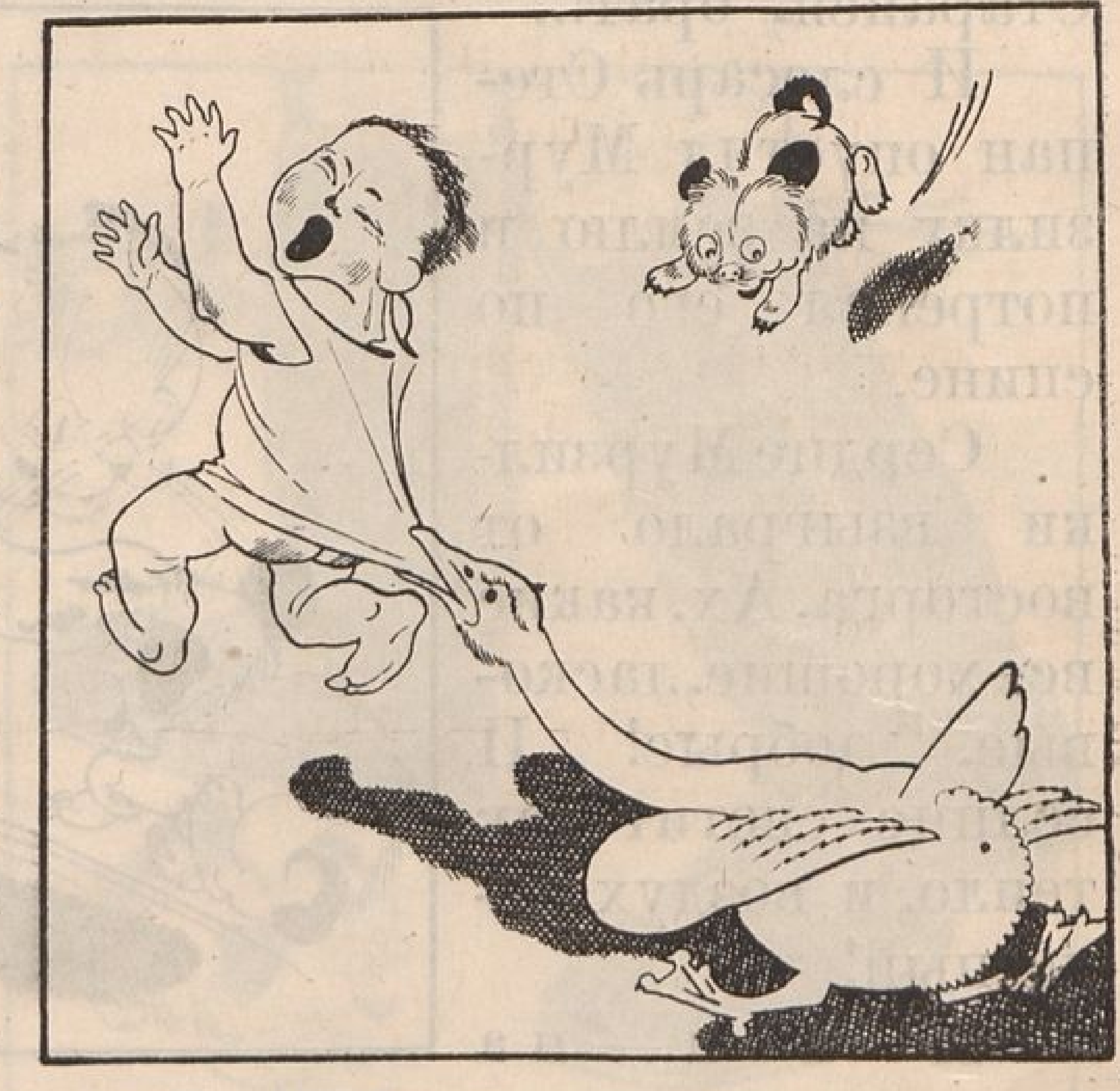
— Фрр... не лезь!..

— Тяф!—удивился Мурзилка и, как лев, бросился на кота. Драться—так драться! Ррры!..

Кот—в сторону, вскочил на перила и выгнул спину колесом.

— Невежа!—ворчал он сверху,—да я тебе глаза выцарапаю.

Да Мурзилка уже забыл про кота.

Громкий ребячий плач поразил его. Поднял ухо, оглянулся. Маленький человек, в рубашонке, бежал через двор, а за ним по пятам гналась какая-то белая птица с длинной-длинной шеей. Раз!—и схватила клювом за рубашонку мальчика.

— Ай, ай, ай!— закричал малыш на весь двор.

Мурзилка сорвался с места. Ну, конечно, там не хватало только его одного.

Больших ног не испугался, кота на перила загнал,—уж птицу ли не одолеет!..

Налетел орлом,—цап за хвост гусака! А тот— как зашипит,—малыша бросил да Мурзилку—за ухо!

А гусак—на него:—„Га-га-га! Я тебя, лохмач!“

Малыш хнычет, Мурзилка визжит, гусак гогочет. Переполох на весь двор!

Да большие ноги на выручку пришли! Свистнула в воздухе хворостина, гусак бросил Мурзилку да, переваливаясь с ноги на ногу,—в сторону.

— Что, брат, Петька, попало?—сказал слесарь Степан.—Зачем гусака дразнил? Спасибо, Мурзилка тебя выручил! Ну, да и пес же! Мал да удал!..

А Петька уж улыбается во весь рот, ковыляет к Мурзилке и руки к нему протягивает.

Полный восторга ринулся Мурзилка к нему.

— Тяф, тяф, тяф!..

Облизал ему и нос, и щеки, и глаза.. Надо же познакомиться хорошенько!

— Батя! А батя! Моя это собачка? Моя?

— Твоя, Петька! Возись с ней. Добрый пес будет. Изо всех щенков такой удалец вышел!

— Тяф, тяф, тяф!—лает Мурзилка,—Петька мой, и я Петькин. На что лучше!.. Ах, как хорошо жить на свете!..

Р. К.

ВАНЮШКИНО СЧАСТЬЕ.

В детском доме большое волнение. Брошены игры; кубики валяются на полу. Ребята сгрудились у окна. Машут руками, шепчутся.

— Ему некуда деваться.

— Он все по улице бродит!.. А там холодно.

— И Матрена плачет!..

Дело в том, что сегодня прачка Матрена принесла белье в детский дом. Пришла, села и заплакала. Спрашивают дети, что с ней?

— Да вот,—говорит,—живу впроголодь. И целый день на работе. А Ванюшка мой—без меня—вовсе пропадает. Либо дома сидит,—скучает, либо по улице бродит, балуется. Да тоже с голоду иной раз плачет-ревет. А где же мне его прокормить?

Ушла Матрена,—и ребята были в ужасе.

— Нам-то хорошо здесь. А ему каково!..

— Его бы к нам, сюда. Вот бы хорошо было!

— Давайте, приведем его. Ведь он—напротив живет!..

— Да его не пустят сюда.

— Анна Михайловна рассердится.

— Что же делать-то?

Долго думали-гадали. Наконец, самый старший, Вася-Горбунок, вдруг как закричит:

— Придумал... Придумал!..

— Ну, ну, что такое?.. Говори!..

— А мы давайте в Моно напишем. Так и так, — пришлите Ванюшку к нам. Мы с ним всем поделимся.

— Ай да Васька!... Пиши, пиши!..

— Бумаги бы мне да карандаш!..

И то, и другое достали.

Уселся Вася-Горбунок у окна,—вокруг него ребята столпились: друг на друга лезут; через плечо Васи заглядывают,—как это он пишет.

Сопит Вася, выводит печатными буквами:

„Товарищ Моно. Как у Матрены Ванюшка в беспризорных ходит, и есть им нечего, и мы желаем, —Ванюшка пускай у нас живет. Беспременно это надо. Матрена говорит,—на улице Ванюшка пропадет. Ну, он не пропадет у нас. Все оченно просят вас, товарищ Моно, чтобы Ванюшку к нам определить, ему есть нечего. Как нынче день работницы, а она, Матрена, работница. И вы нам это устройте. Дети детского Дома“.

Кончил. Встал. Прочел.

— Подписывай, ребята!..

Тут возня пошла. Друг у друга карандаш вырывают, ставят—кто одну букву, кто имя каракулями... Вася-Горбунок в конце расчеркнулся:

„Писал Вася-Горбунок бывший беспризорный“.

Анну Михайловну, руководительницу, вызвали.

— Пошли, тетенька. Беспременно сейчас. А то ему ждать долго.

— Да кому? В чем дело?..

Насилу-то поняла. Улыбнулась. А все-таки заявление взяла...

Неделя прошла. Уж как ждали ребята, что-то будет.

В субботу Анна Михайловна входит,—а рядом с ней, Ванюшка-карапуз.

— Дети,—говорит Анна Михайловна,—вот вам новый товарищ. Сами вы его себе выпросили!..

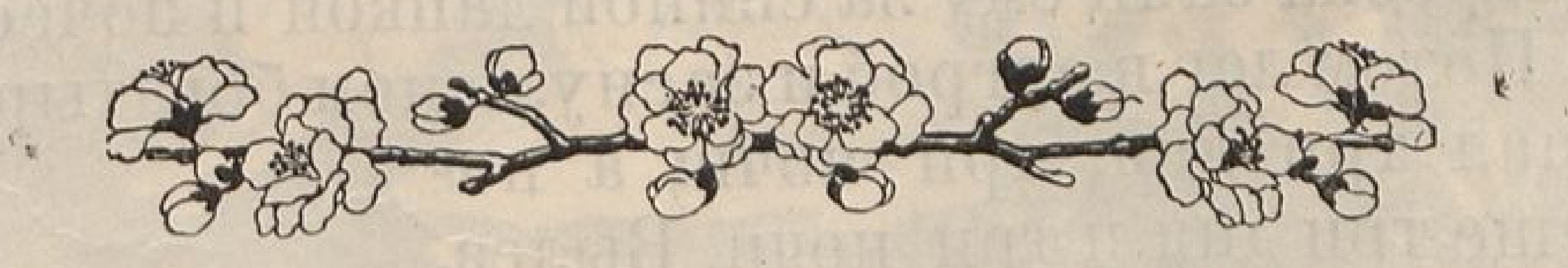
А Ванюшка—даром, что новенький, не боится, —во весь рот улыбается...

Обступили его ребята,—каждый к себе тащит.

— Ванюшка! Ванюшка!.. Наш он теперь!.. То-то, брат!.. Знай наших!..

А. Ишимов.

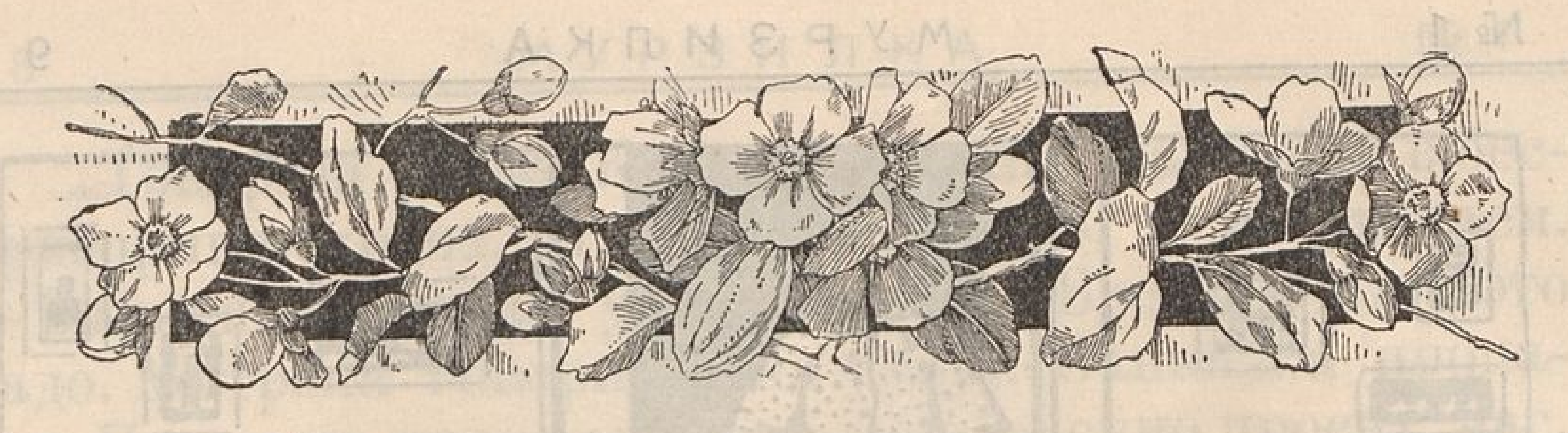

ВЕСНОЙ.

Греет солнце весеннее,
Журчат ручьи по-весеннему.
Прогоняют печали зимние,
Дни холодные и унылые.
Зовут к радости,
Зовут к бодрости
И к работе под солнышком.
Копать землю лопатами,
Засевать ее и обсаживать.
Чтоб деревья росли на пустоши,
Чтоб трава и цветы глаза тешили.
Огурцы и морковку рвать сладкую,
Тащить репку самим,
А не с дедом и бабкою!

А. Павлова.

Весна-красна.

Ходит Мороз-Студенец, покрехтывает; снег у него под ногами повизгивает; в воздухе мгла стоит. Опушились деревья инеем. Тянутся к небу из труб струйки дыма белого.

А Мороз-Студенец ходит да покрякивает:

— Ах, хорошо! Топите больше!

На что у волка и лисы шубы теплые, а у зайца—и шуба, и валенки, а холод и их пробирает. Сидят в норах, от холода зубами щелкают.

Высунул, было, заяц нос из сугроба,—а Мороз ему погрозил:

— Сиди, сиди, заморожу...

Погрозил заяц ему за спиной лапкой и почесал за ухом. Потом лег в сугроб и заснул сном богатырским.

Спал три дня, три ночи; а потом еще три дня и три ночи. Вылез, оглянулся и замер от радости.

— Эге-ге-ге! Вот так штука!..

Тепло в воздухе; яркое светит солнышко. Небо чистое - чистое. Журчат где-то ручейки...

— Вон оно что...

Вскинул заяц всеми четырьмя лапками в воздухе и перекувырнулся.

— Ау, Мороз-Студенец!.. Весна-красна идет...

Скакнул туда, сюда,—в ложбинку, на пригорок, под лозину залез,—совсем заяц с ума сошел... Скачет, бормочет:

— Весна-красна, Весна-красна...

Скакнул в рощу березовую, в овражек,—налетел на деда Мороза и испугался,—на задние лапки присел.

— Что ты, косой? Одурел?..—заворчал Мороз-Студенец, поднимаясь на локоть.

— Да как же,—пролепетал заяц,—и небушко чистое, и солнце светит ярко, тепло... По всему надо полагать,—Весна-красна идет...

— Ах, ты!..

Хотел Мороз на ноги встать, да не может. Совсем ослаб,—силы нет. И надо бы зайца-пострела проучить—да где уж там!..

— Иди, косой,—говорит,—посмотри,—что это мне спину колет; жестко что-то лежать стало.

Глянул заяц за спину Мороза и ахнул:

— Травка!.. Батюшки мои!.. Травка, дедушка, растет... Родимые мои!.. Да свеженькая, да востренькая!..

— Молчи ты... какая там травка...

— А на груди-то у тебя... Ой-ой-ой!.. Подснежники голубенькие, дедушка...

Хватился старик за грудь,—и впрямь, целый пук подснежников пробивается из-под снежной бороды...

А заяц совсем осмелел. Подбоченился и говорит Морозу:

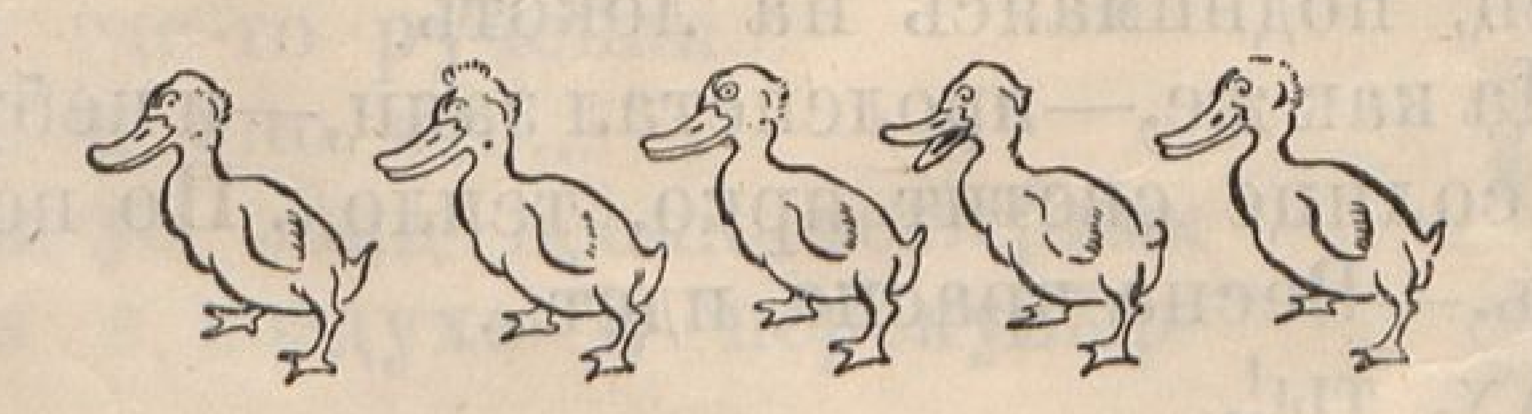
— Ну, старина, пора и честь знать. Много ты нас мучил,—уходи по-добру, по-здорову... С солнышком теперь тебе не справиться...

Хотел Мороз зайца за уши ухватить,—а он вывернулся: брыкнул ногами,—лягнул Мороза и был таков...

Повалился Мороз на землю.

— Ну,—говорит,—видно, и точно конец мне пришел, раз уж заяц лягнуть меня осмелился.

А. Федоров-Давыдов.

С красным флагом.

Первое мая.

Первое мая—не за горами. А дела-то, дела у ребят—не оберешься!..

— Первое мая—праздник труда и свободы,— говорит тетя Варя,—надо вам отметить это.

— Мы на машине поедем, тетя Варя?

— На машине.

— Это, как в прошлом году?..

— Вот, вот...

Плакат готовили. Длинный такой, из кумача. На него буквы нашивали из белого коленкора.

Медленно идет работа: иголки, точно на смех, скользят из пальцев, колются. А буквы надо пришивать ровно, аккуратно.

— „*Мы... цветы жизни*",—читает по складам на плакате маленькая Аня.

— А я, знаете, что слышала,—говорит одна из девочек,—будто грузовики 1 мая будут ездить, и на них ряженые. Тут и такая уродина, жирная,

противная—Капитал, что душит всех. Тут тебе и рабочий. И вот они будто борятся. И потом рабочий—хвать его за горло и повалит.

— А то сказывают, Крокодил еще с вилами ездить будет,—перебивает рассказчицу малыш.—И где что неправда,—он вилами в бок.

— А я бы вот что устроила,—говорит задумчиво самая тихая и серьезная, Настя.—Я бы нас всех цветами нарядила. Все—наши луговые, родные. И песни бы нам петь. То-то хорошо было бы!..—

В большой комнате,—где шумно всегда,—сегодня тихо. Так и чувствуется кругом ожидание чего-то большого, хорошего, торжественного...

— Дети, ужинать пора!..

— Некогда, тетя Варя. Сейчас кончим.

В воздухе—острый запах елок. Это—мальчики спешно вяжут гирлянды из еловых веток, чем бока машины украшать будут.

— Да, да, подождите немного,—раздаются голоса,—и мы скоро гирлянды довяжем.

— Да ведь уж десятый час скоро.

— Ну, что же, ради такого-то дня...

И к мальчикам пристает маленькая Аня:

— Давайте, я гирлянду плести буду тоже.

— Куда тебе! Видишь, все руки у нас исколоты.

Ане—хоть плакать.

— А ты что смотришь,—вон розетки пунцовые, —привязывай их к гирлянде. Вот!..

И девочка спешно принимается за работу.

Ясное, светлое небо. Весело по-праздничному

горит солнце. Весь город облит ярким светом. Небо голубое, приветливое, без единой отметинки, ни облачка нет.

Весь город—словно живет улицей, трепыхается красными флагами, плакатами, стягами. Каждый дом—точно лентами окутан. С знакомым гудом реют

совсем низко аэропланы. Кружась нерешительно, в воздухе порхают листки приветствий, сброшенные сверху.

Улицы запружены толпами народа. На главной улице—бесконечные ленты манифестаций. Реют, вьются над ними, как живые змеи, алые флаги...

Гул катится издалека...

— Да здравствует 1 мая, праздник труда и свободы!

С гулом катится тяжелый грузовик—медведь-медведем. На нем—ребята, веселые, оживленные; и у них на груди развеваются алые ленты.

Над ними надулся от ветра плакат с надписью: „Мы—цветы жизни“...

Ах, это—наши знакомые!

Ну, да, вон и маленькая Аня, которой не дали пришивать буквы, вон и задумчивая Настя,—только теперь она весело смотрит, улыбается и кричит:

— Да здравствует 1-ое мая!..

Вон и тетя Варя, с нею—целый живой цветник. И врезается в толпу тяжелый грузовик.

— Да здравствует 1-е мая!

А за первым грузовиком—другой, третий. Целые живые грядки цветов жизни...

— Да здравствует 1-е мая!

— Да здравствует праздник труда и свободы...

— Да здравствуют ребятишки,—живые цветы новой жизни.!..

К. Раев.

Сказка о ледяной сосульке.

— Прощай, Воробушек! — сказала Ледяная Сосулька, висевшая на крыше сарая, и уронила большую слезу на снег.

— Чирик-чирик! — запрыгал Воробушек. — Куда ты собираешься и почему плачешь?

— Ах! — вздохнула Сосулька, — привыкла я к этой крыше, к тебе, Воробушку, и к той старой Вороне. А теперь вот придется все это покинуть... — И она опять заплакала.

— Ничего не понимаю! — взъерошил Воробушек перышки.

— Кар-кар! Совсем весна! — каркнула Ворона с мусорного ящика и перелетела на сарай.

— Чирик-чик! Сосулька от нас уходит!

— Ха-ха-ха! — захлопала крыльями Ворона. — Вот новость сказал! Она превратится в воду, а потом — в пар и улетит от нас на тучке.

— В какой пар? — спросил Воробушек.

— Сразу видно, что ты только в прошлом году

на свет появился. Ну, слушай...—Ворона откашлялась, удобнее уселась на крыше и начала:

— Весной, когда становится теплее, снег и сосульки начинают от солнышка таять и превращаться в воду. Вода собирается в ручьи и бежит по канаве. Часть воды просачивается в землю, часть—добегает до рек, а часть—от теплого солнца превращается в белый пар и улетает вверх...

— Пар собирается в тучки, а ветер уносит тучки далеко-далеко,—всхлипнула Сосулька, и слезы так и закапали из ее глаз.

— Ну, а что же потом делается с тучками? — спросил Воробушек.

—Тучки долго

гуляют по небу. Но там, вверху, холоднее, чем у нас, около земли, и пар опять превращается в воду, в капли. А так как капли тяжелее пара, то они начинают падать вниз, на землю.

— Чирик-чик!—хлопнул Воробушек крыльями. —Такие капли падали по целым дням осенью. Я только забыл, как они называются...

— Они называются дождем,—хриплым голосом сказала старая Калоша, валявшаяся под сараем.

— Совершенно верно!—сердито каркнула Ворона.—Она считала себя умнее всех на свете и сердилась, если кто-нибудь знал то же, что и она.

— Ну, а потом?—нетерпеливо пищал Воробушек.—Как же вода превращается в снег и сосульку?

Ворона покосилась на Калошу. Та молчала.

— Ну, а зимой, когда очень холодно и даже коченеют лапки, капли в тучах замерзают и превращаются в снежинки. А снежинки покрывают всю землю. Вот и все.

— И совсем не все!—злорадно заскрипела Калоша.—Иногда зимой солнышко в полдень пригревает теплее, и снег на крыше начинает таять и капать. К вечеру капли на крыше замерзают и превращаются в сосульки.

— Несносная выскочка!—сердито каркнула Ворона и улетела на дерево.

— Кап-кап-кап... Прощай, Воробушек!—плакала Сосулька. Она стала совсем маленькой.

— Чирик-чик! Прощай, милая Сосулька! Жалко тебя. А все-таки лучше пусть будет весна!

Татьяна Пильчевская.

В лесу.

ПЕТУХ КОРМИЛЕЦ

— „Ко-ко-ко-ку-ку-ку! Ку-ку-реку-ку-ку-ку!“

Черный петух на солнце блестит... Красный гребень, как кровь, горит, на сильных ногах крепки когти вострит... Петух кучи гребет, зерен много найдет. Зерна в клюв берет и назад кладет.

Петух кур зовет, для них зерно бережет...

Услыхали петуха, прибежали издалека... Бегут, качаются, на кучу разбегаются... А куры тут — и пестра, и желта, и с хохлом бела...

Вот и ряба пришла, яйцо снесла... Она важно идет, свою песню поет:

— „Куд-ку-да, куд-ку-да! Яйцо снесла, я яйцо снесла и к вам пришла!“

Петух услыхал, звать перестал.

Стал вокруг ходить, крылом по земле водить, своих кур кормить.

А. Павлова.

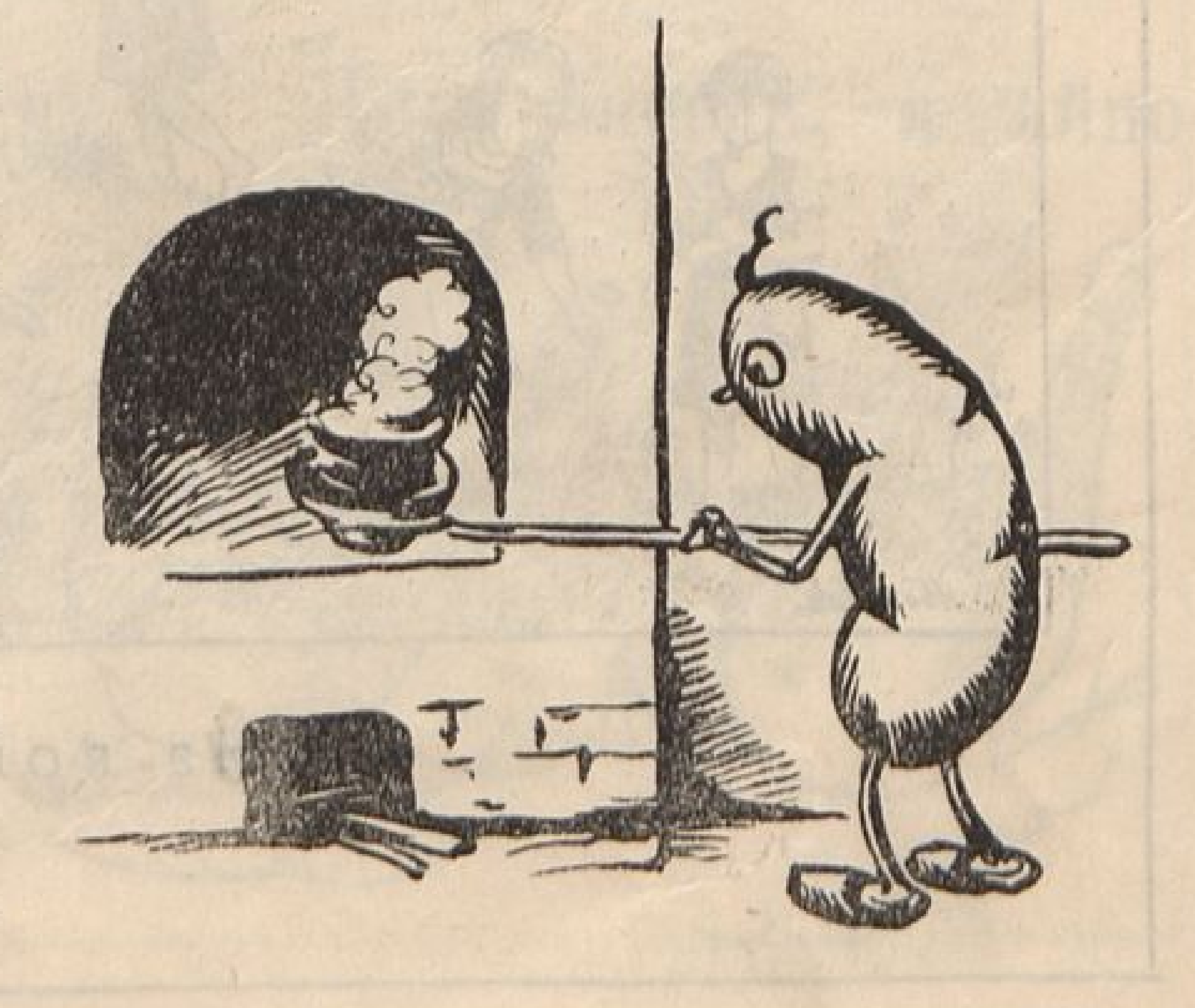
На воле.

Мышка, птичка и колбаска.

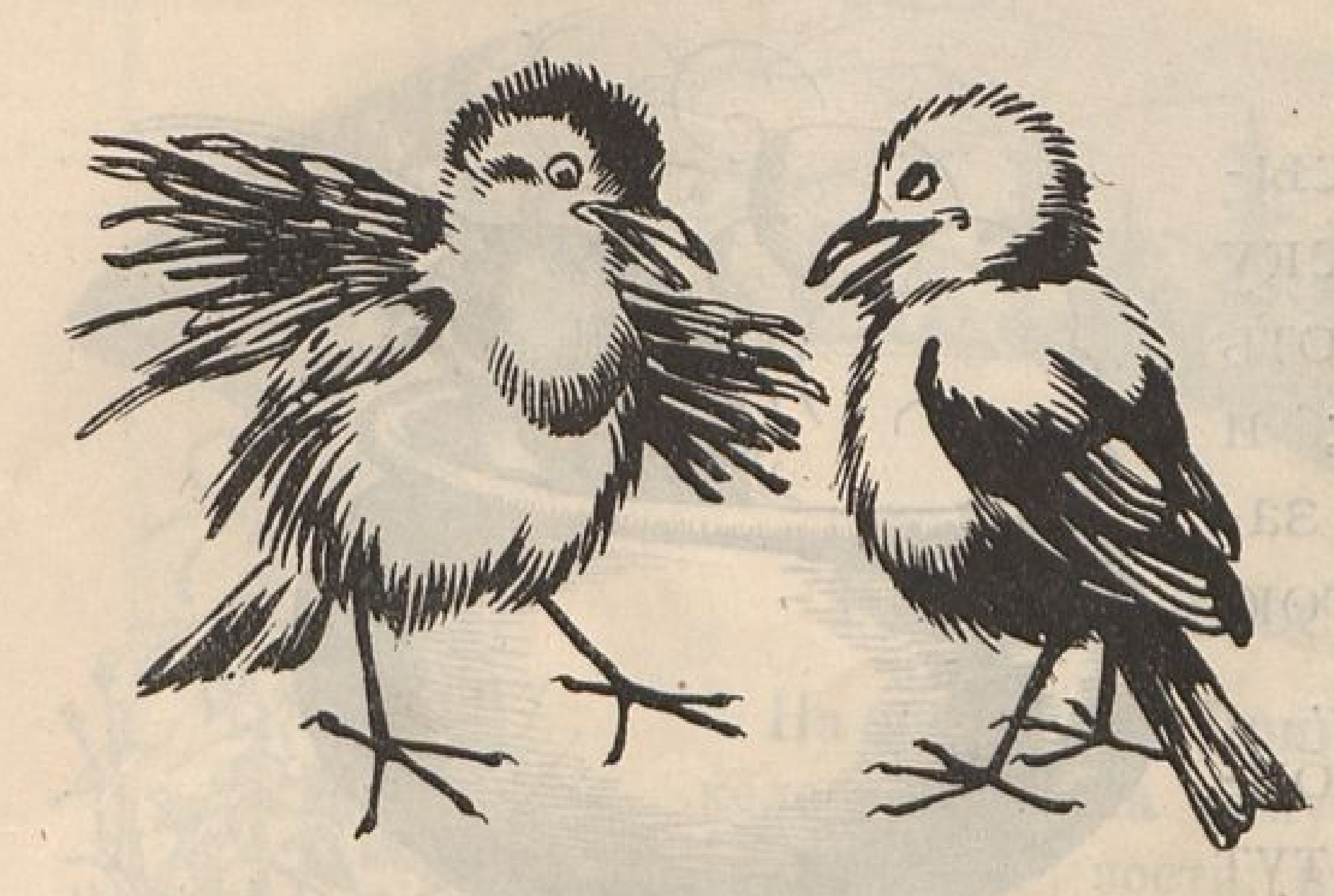

Жили-были, сказывает сказка, мышка, птичка и колбаска. Они в тесной дружбе и согласьи жили, ни о чем напрасно не тужили, каждая вела свою работу, и была у каждой лишь одна своя забота: птичка в лес за хворостом летала, мышка домик в чистоте держала, накрывала стол, посуду мыла; а колбаска в кухне жарила, варила.

Долго этак жили три подружки, помогая весело друг дружке: и ни в чем не знали недостатка, спали крепко, ели сытно, сладко... Да в лесу раз птичка повстречалась со своей знакомой, ну, и разболталась.

— Эх, — знакомая сказала,—и глупа ты; а подружки у тебя не простоваты; ты-то трудишься за них, да вдвое, а они сидят себе в покое. Вон хоть мышь: окончит всю уборку, да юркнет к себе в каморку. А колбаске — той, по-

жалуй, еще проще: ей не надо дров таскать из рощи; только, знай смотри, как кушанье варится, а потом скользнет скоренько по кашице, просолит ее, промаслит,—ну, и ладно. Этак жить куда как не накладно.

Птичка, хмурая домой вернулась, сели кушать, а она сидит—надулась.

—Вот что сестры, — говорит, — довольно я трудилась, от работы больно утомилась, так давайте

мы работою меняться; я вот буду дома управляться; стряпать кушанье поручим мышке, а колбаска в лес пойдет рубить дровишки...

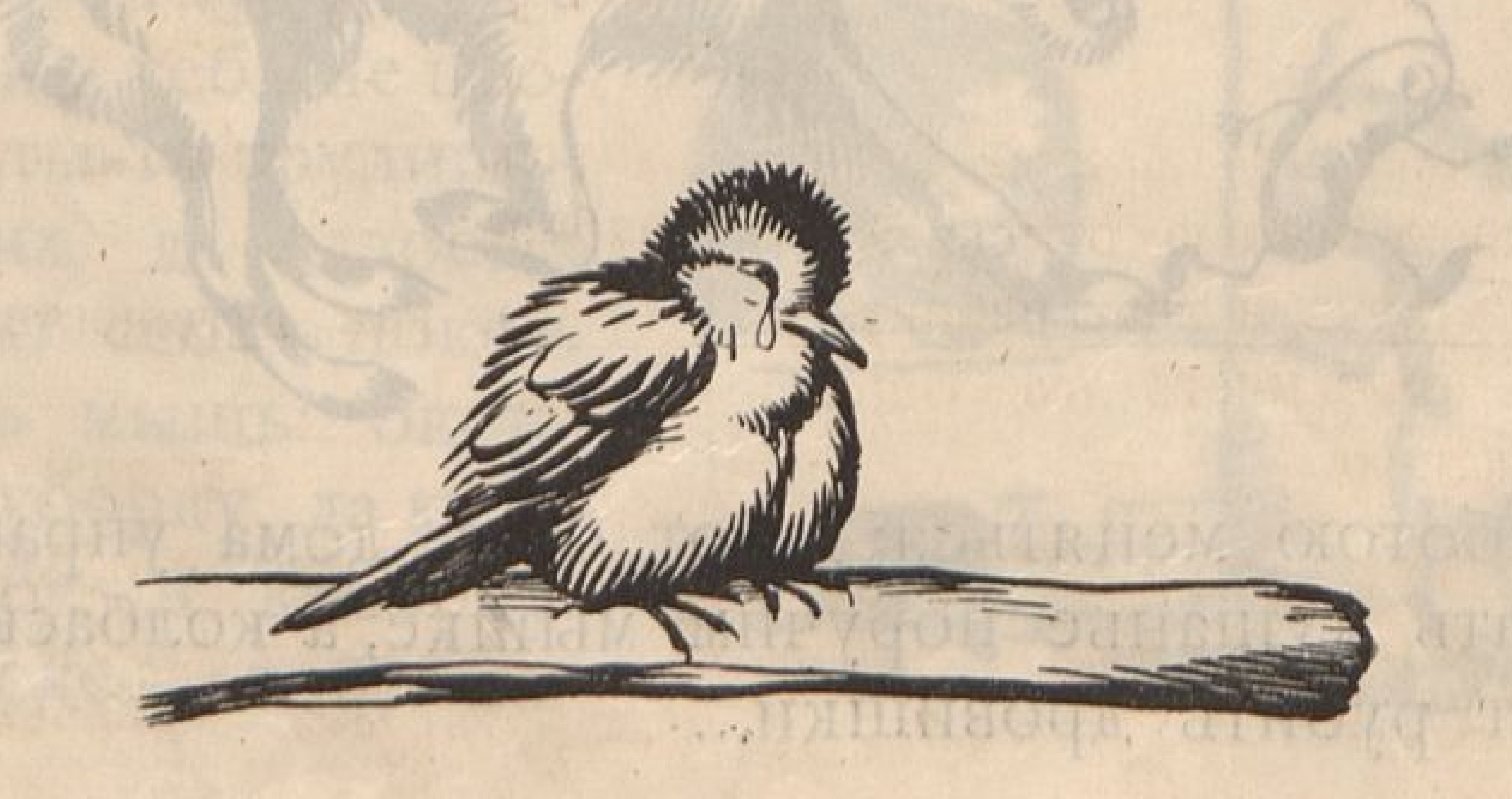
Вот поутру посылают в лес колбаску принести дровец хоть небольшую связку; и покорно в рощу та заковыляла, да дорогою собаку повстречала.

И не стала разбирать собака,— в чем тут дело, а понюхала колбаску, да и съела.

Дома — мышь, колбаске в подражанье, захотела показать свое старанье и скользнуть, как та, бывало, по кашице, ну, а мышке это делать не годится: она сунулась в котел да и сварилась...

Только тут уж птичка спохватилась, как была она с подружками жестока, что теперь она осталась одинокой,—что теперь ей жить одной труднее стало... Было счастье и пропало...

Ткач Основа.

Как путешествовало семечко.

На опушке леса, между хмурой старой сосной и молодой белоствольной березкой, выглянула рябинка. Рябинка была еще совсем маленькая — чуть-чуть повыше кустика брусники, но она упорно тянулась вверх.

— Как ты попала сюда?—спросила рябинку старая сосна,— здесь поблизости, кажется, не растет ни одной рябины.

— Не знаю,—отозвалась рябинка.

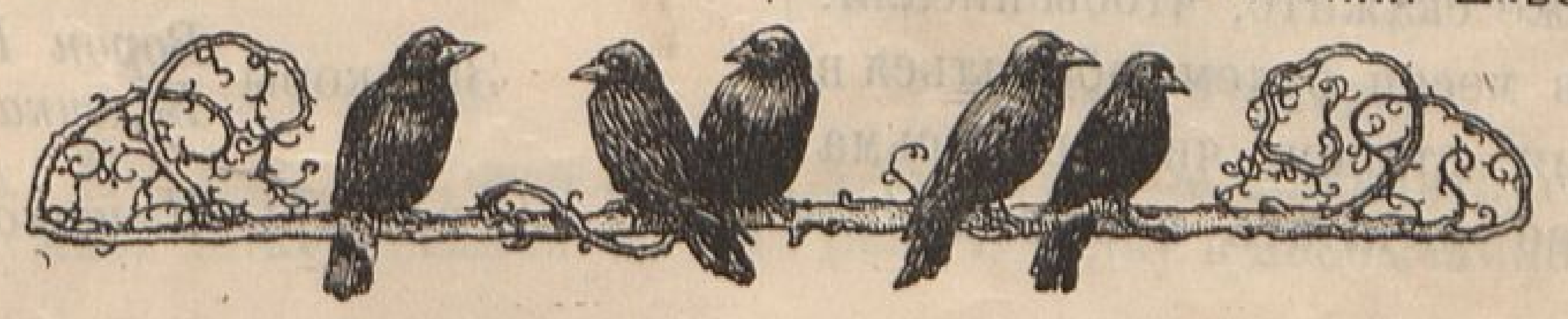
А случилось это вот как. Однажды позднею осенью отыскала голодная птичка в лесу рябину, на которой было много ягод. Обрадовалась птичка.

Принялась она клевать ягоды; да зашумело вдруг что-то поблизости; птичка испугалась, вспорхнула с рябины, захватив с собой одну ягодку; с ней она и прилетела на опушку леса и там принялась расклевывать ягодку. Но и тут помешало что-то птичке; она выронила ягодку и улетела дальше.

Упала ягодка на землю, занесло ее вскоре снегом, и пролежала она так до весны. Весной же одно из семечек, находящихся в ягодке, проросло, и вот теперь, летом, посмотрите, из него выросла рябинка. Пока она еще маленькая, слабенькая. Но через несколько лет выровняется рябинка в стройное деревцо. Так-то вот маленькая птичка вырастила на опушке леса рябинку.

Вот как путешествует иногда семечко!

Евгений Шведер.

ПЕРВОЕ ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ МУРЗИЛКИНЫХ ДРУЗЕЙ.

Как только прошла весть о журнале „Мурзилка", где будет печататься много сказок и рассказов про зверей и зверушек,—стали в редакцию присылать письма от них самих. Кто их знает, сами ли они писали, или ребята—под их диктовку. Да это не важно. Главное дело в том, что много интересного было в этих письмах из жизни зверушек. И потому „Мурзилка" решил печатать их. Мало того, собрал зверят разных, говорит:

— Пишите больше. И товарищам тоже скажите, чтобы писали. А раз в месяц будем собираться в редакции, станем читать письма и лучшее печатать в журнале!...

—Это будет вроде клуба!—сказал заяц.

—Да, Мурзилкин клуб!—пискнула белочка.

—Да здравствует Мурзилка!...

—Я думаю, не мешало бы и стенную газету в клубе устроить!—сказал важно заяц.

И на это согласились зверята.

Сказано,—сделано.

Мурзилкин клуб открыт. И на стене редакции уже красуется первый номер стенной газеты.

Зверкоры *Ворон Кра.* *Белочка Чок.*

Секретарь *Мышонок Пип.*

ПИСЬМА В МУРЗИЛКИН КЛУБ.

Уважаемый Мурзилка!

Поздравь меня. Вывелись у меня из икринок 85 прелестных крошек-головастиков. Я целыми

Головастики.

часами сижу на гнилом бревне и любуюсь, как они играют в воде. Через 15 дней у них вырастут задние ножки, а еще через 15 дней и передние. Тогда они будут настоящие лягушки.

Лягушка.

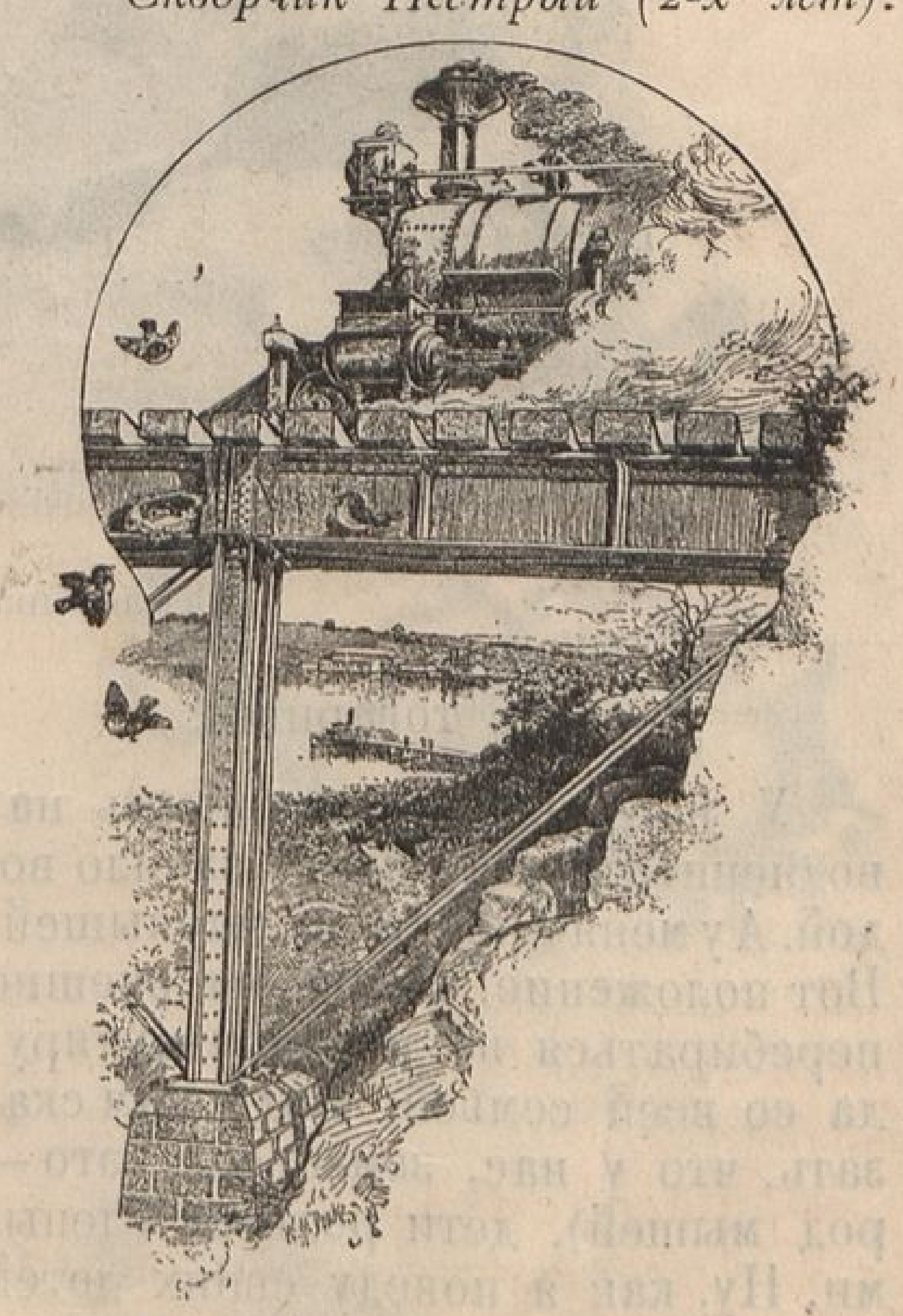
Товарищ редактор! Спешу сообщить вам, что произошло унас

Скворцы и ястреб.

на-днях. Мы, скворцы, всегда живем дружно, летаем стаями. И это очень хорошо. Вот слушайте. Вчера налетел на нашу стаю ястреб и ухватил скворчика цепкими когтями. Тут бы и конец нашему товарищу. Да мы дружно бросились спасать своего. Окружили скворцы ястреба со всех сторон,—клюют его, рвут перья, в глаза ему крыльями хлещут. А я—разлечусь сверху да нет-нет и долбану его в темя что есть силы. Ведь добились своего: выпустил ястреб скворца,—едва сам от нас улетел.

Скворчик Пестрый (2-х лет).

Милый Мурзилка!

Спешу тебе сообщить свой адрес. Я живу в необычайном месте

Ты просто удивишься. Над моей головой громыхают поезда, свистят паровозы, дым кругом. Шумно,—но покойно за гнездо. Ну, да, в прошлом году я свила гнездо в ямке и его разорила лиса. Раньше того—на ветке устроилась. Сорока на меня напала.

Этой весной я свила гнездо под железнодорожным мостом. И звери, и птицы боятся паровоза и не сунутся ко мне. А мне только того и надо. Пока до свиданья.

Пеночка.

Землеройка с детенышами.

Дорогие товарищи!

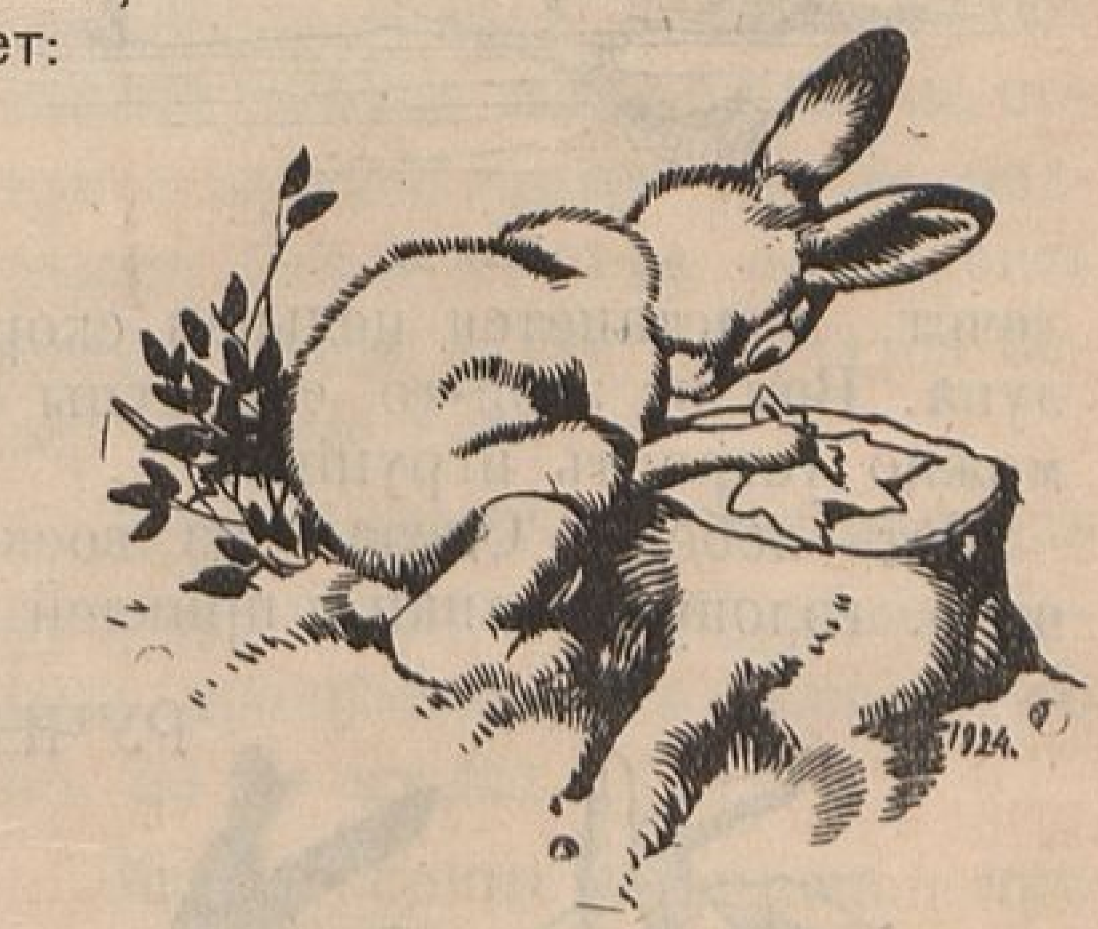
У нас недавно случилось наводнение, и нашу норку залило водой. А у меня—шестеро детенышей. Вот положение! Пришлось спешно перебираться на новую квартиру, да со всей семьей. Надо вам сказать, что у нас, землероек (это—род мышей), дети родятся слепыми. Ну, как я поведу своих детей с места на место? Говорю им:—„Берите друг друга зубами за хвост, а самый первый—за хвост меня“. Так и сделали. Я пошла передом, а за мной—мои детеныши целым поездом. Смеялись кругом. Да что поделаешь,—приходится на всякие выдумки итти, чтобы помочь в беде.

Землеройка-мать.

Заяц в гостях.

Как в лесу, лесу густом
Сидит зайчик под кустом,
Коротеньки ножки,
Валены сапожки.
Звал медведь его чем свет
Нынче в гости на обед:
Свадьбу он в лесу справляет,
Так потешиться желает:
— „Приходи к нам, голова.
Будут там—медведи, волки,
Ястребов сердитых два,
Старый филин и сова,
И лисица-кривотолка...“
Все—исконные враги.
Вот ты в гости и ходи...
Сидит зайчик и смекает,—
Только хвостик поджимает:
Как ни думает бедняк,—
Смерть выходит так и сяк.
Зайчик лист берет кленовый,
Пишет палочкой еловой:
„Уважаемый сосед.
„Шлю вам заячий привет,
„Вас с супругой поздравляю,
„Между прочим—удираю,—
„Не хочу в счастливый час
„Быть провизией у вас...“

Ткач Основа.

Самодельные игрушки.

ПЛАВАЮЩИЙ ЛЕБЕДЬ и КРОЛИК.

Возьми сырое яйцо и проколи его булавкой с двух концов. Затем, держа его над блюдечком, начни дуть в проколотое место. Тогда все содержимое в яйце вытечет, и останется цельная скорлупа. Вот из этой-то скорлупы и можно устроить игрушки.

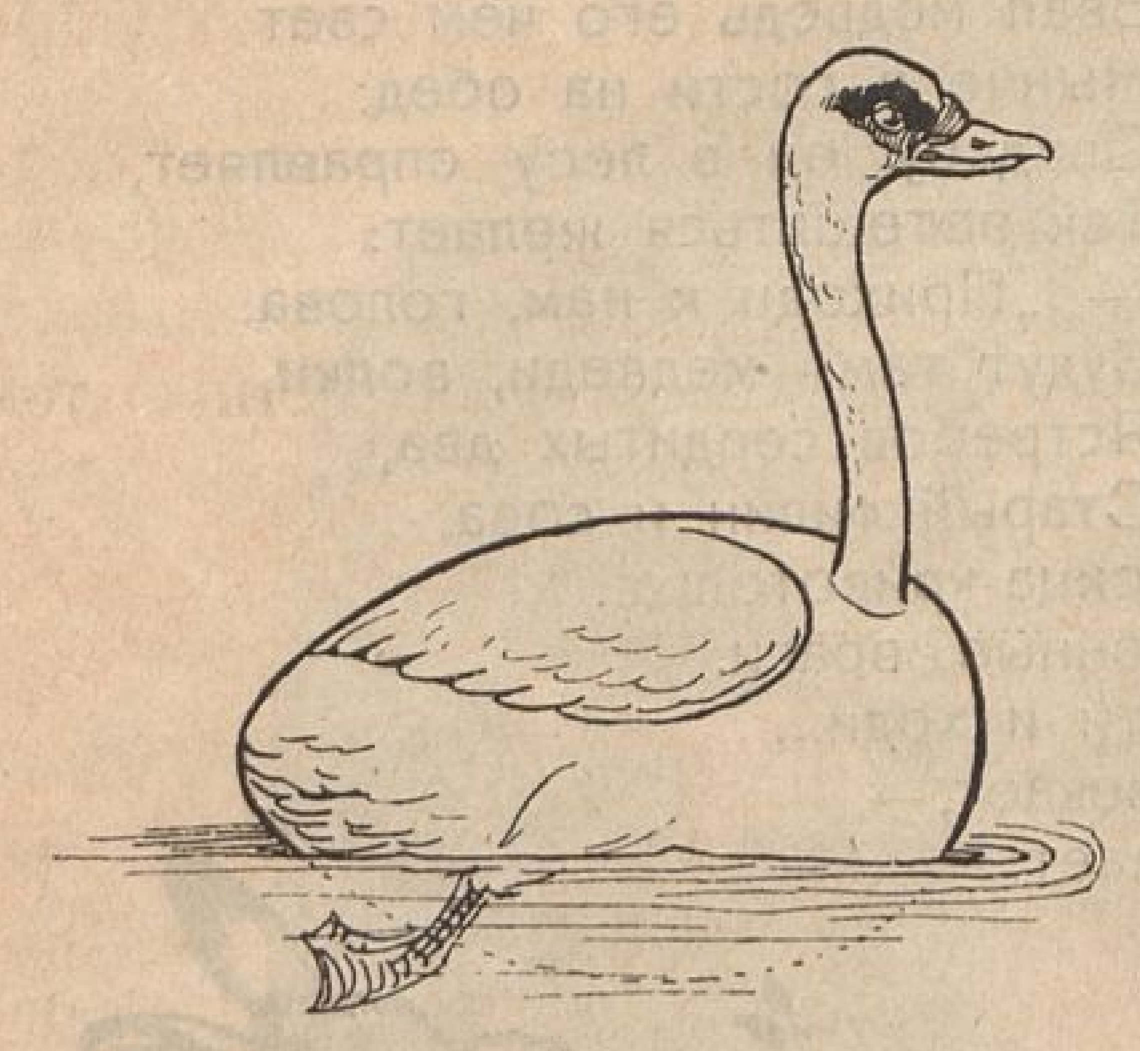
Вот—лебедь. Сделай из воску шею, голову и лапки и приклей к пустой скорлупе. Воском же залепи оба прокола. Снизу между лапами приклеи кусочек воску потяжелее.

Спусти на воду этого лебедя, и он будет плавать.

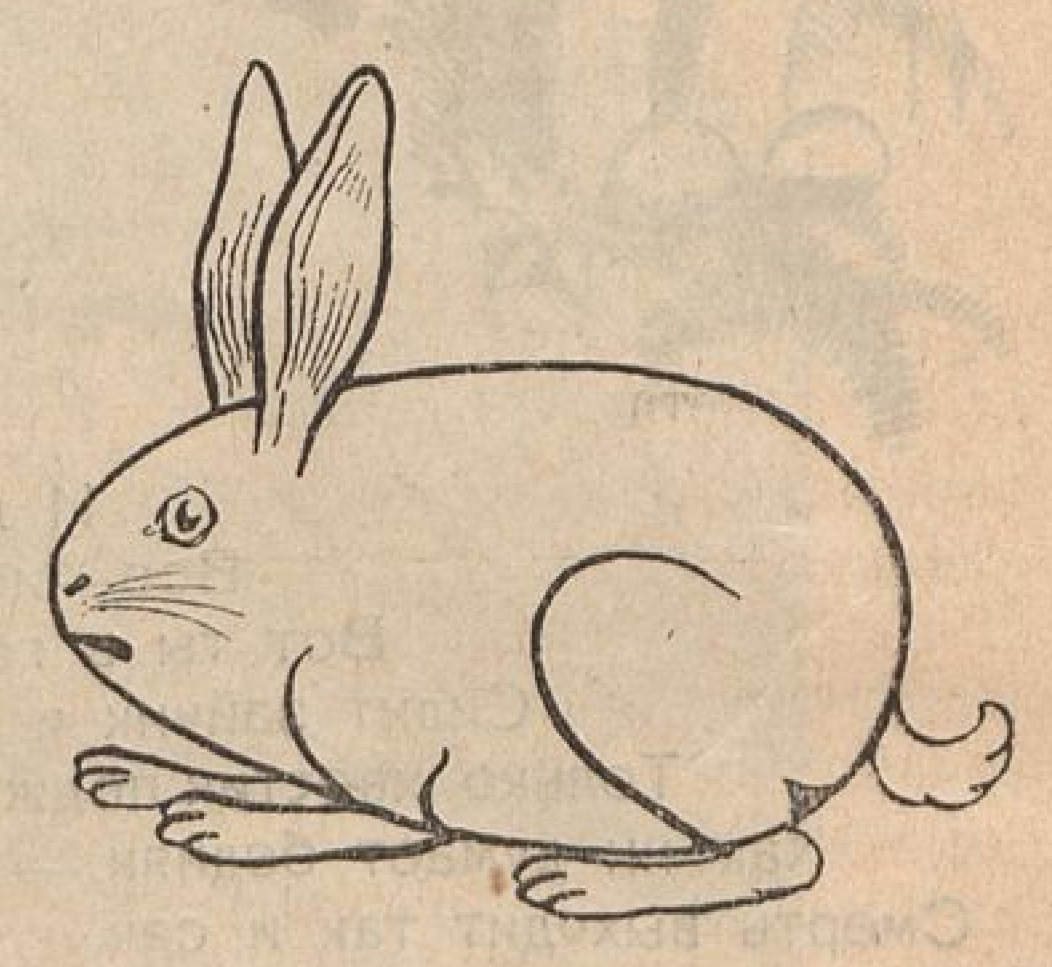
Из такой же пустой скорлупы можно сделать и кролика

Уши, лапы и хвост вылепи из воску и приклеи к скорлупе.

Кролик будет, как настоящий, и тем хорош, что не убежит никуда.

Лебедь.

Кролик.

РУЧНЫЕ ТЕНИ.

Заяц. Гусь.

Сложи руки, как показано на рисунках и держи их между горящей свечей и стеной, чтобы тень от рук падала на стену. Тогда тени будут изображать зайца и гуся.

Рисунки из цветной бумаги.

Объяснение к рисункам в красках на последней странице.

Это очень интересная работа. Сделанными вами рисунками в большом размере вы можете украшать стены комнаты; вы можете из них составлять плакаты; а небольшими рисунками вы украсите ваши тетрадки.

Сперва надо выбрать из разноцветной бумаги любой тон для фона и подходящие тона для каждой части рисунка.

Каждая часть перерисовывается на цветную бумагу и вырезается отдельно. Затем эта часть наклеивается на фон соответственно тому, как распределены отдельные части на наших рисунках.

Если нет цветной бумаги под руками, ее можно изготовить самому.

Купите обыкновенных сухих клеевых красок:—красной, синей, желтой, зеленой, фиолетовой, черной, коричневой, белой (белила).

Краски надо хорошенько растереть в фарфоровой ступке. Затем развести жидко столярный клей, и, по мере надобности, в этом клею разводится та или иная краска.

Для окрашивания бумаги—берут плоскую щетинную кисть.

Сперва бумагу прокрашивают чистым цветом каждой краски, потом к каждой краске можно подбавить белил и снова прокрасить бумагу, тогда у вас получатся более светлые тона.

Бумага годится—газетная или из старых ненужных журналов; бумага прокрашивается ровно, сочно, но не жидко.

Когда краска высохнет,—протереть ее тряпкой и затем тальком. Тогда бумага будет слегка глянцевитой.

Клей можно приготовлять и из картофельной или ржаной муки.

Цена отд. № (с приложением) 25 коп.

Рисунки из цветной бумаги.

Издатель „Рабочая Газета“. Редактор Н. И. Смирнов.